

СОДЕРЖАНИЕ

Мой долг	12
Введение	14
Президент — посланник Божий?	14
Да он ли помазанник Божий?	17
Самозванство и мистификация	21
Призрак бродит по России — призрак самозванства	22
Прошлое, народ, историк	25
Непривычная политическая история России	27
Глава I. Лжедмитрий I и начало эпидемии самозванчества	28
Реальное, символическое и воображаемое	29
От слуха до «явления»	31
Массовая поддержка Лжедмитрия I	35
Царь умер. Да здравствует лжецарь!	38
Функция лжецаревичей в начале XVII века	39
Казачья вольница	42
Глава II. Самодержавная власть: инверсия знаков, норм и ценностей	45
Как реконструировать мир, канувший в небытие?	46
Инверсия знаков	47
Царь и юродивый	52
Символический язык царя	56
У истоков царского титула	58
Инверсия как способ управления	63
Глава III. Вымышленные родословные	65
Родословная царя и происхождение его титула	65
Родословные знатных фамилий	69
Смысл мистификаций	71

Глава IV. Или царь, или раб царя	74
Кто такой самодержец?	75
Государев удел	79
Царские холопы	83
Почему русское дворянство не бунтовало?	85
Принадлежать царю	88
Глава V. Игра в царя	92
Холопы играют в царя	92
Игра на Западе и игра в России	93
Церковь и игра	94
Что значило «играть» на Руси в XVI–XVII веках	97
Глава VI. Кто такой <i>самозванец</i> ?	105
Два царя	105
Кто такой самозванец?	106
Историческая алгебра	110
Глава VII. Аз есмь Царь	113
Умножение «государей»	113
Дмитрий обретает последователей	118
Функции мистификации	123
Когда народ делигитимизирует царя	127
Глава VIII. Как низы чуть было не изобрели современную политику	132
Мятежники и колдуны	135
Преступные заклинания	136
Своеобразие Степана Разина	138
Магия слов	140
Государь без тела	142
Новая легитимность власти	143
На пути к модерности	146
Глава IX. Бог и Антихрист в России	153
Реформа русской церкви	153
Общение с Богом	154
Богоизбранность	156

Две ипостаси Антихриста	157
Антихрист расчлененный	159
Антихрист актуальный	162
Глава X. Освящение инверсии, или Российская империя под властью Всешутейшего и всепьянейшего собора	166
Сглаживание времени	166
Чувство дежавю	167
Неудавшаяся символическая кастрация Петра	171
Верность, всецело основанная на вере	177
Прямой выход на Бога	186
Настоящий или подставной?	187
Российская власть в шутовском обличи	190
Петр I — Антихрист	192
Глава XI. И повенчал Бог Россию с «Пахомом <i>Пухай хуй</i> Михайловым»	199
Царь, хозяин дома	200
...И Владыка России	202
Русская персонификация и французская абстракция власти	205
Выход за рамки нормы	211
Фаллос-прародитель	214
Петр Великий и возрождение самозванчества	218
Глава XII. Вера в действии	225
Колдун, знахарь и трансцендентная легитимность самозванцев	225
Телесные отметины и иные признаки потустороннего	228
Глава XIII. Головокружение от престола	231
Легенды и слухи	232
Бесчисленные сыновья Петра Великого	234
Несчастливые царевичи: Петр II и Иван VI	236
«Женскому полу царствовать не подобает»	239
Черда Петров III	243

Пугачев: цепное распространение самозванчества . . .	250
Перелом	253
Глава XIV. Испытание наследника престола	255
Страдания наследника	255
Нескончаемая вереница лжецарей	256
Павел I и есть Пугачев?	260
Глава XV. Самодержец = самозванец	263
А император-то голый!	263
Народ открывает политическое тело царя	267
Политическая угроза самодержавию и самозванству	270
Новая реальность	276
Социальный бандитизм	277
Глава XVI. В тени Гоголя: блеск и нищета самозванства	281
Господам скучно	282
Опасная мания	284
Голодающий крестьянин	285
Ревизор, Хлестаков и другие	288
Самозванчество кусает себя за хвост	292
Глава XVII. Какому святому себя посвятить?	295
Лжеархиереи и истинные лжеархиереи	295
Царство Божие на земле	299
Жулики слетаются	301
Глава XVIII. Надзирать, наказывать, лечить: легитимация самозванства	305
Агенты охраны и полицейские	305
Судьи и прокуроры	308
Свободные профессии	310
Глава XIX. Законы истинные и ложные	312
«Истинный» и «ложный» манифест	312
«Истинные» и «подложные» указы	322

Глава XX. «Эмиссары» императора	325
Самолегитимация народа	325
Утрата легитимности эмиссаров императора	329
«Умираем за Бога и Царя»	331
Насилие как критерий легитимности	333
Глава XXI. Особый день, или Встреча «передового» дворянина с «отсталым» мужиком	334
Крестьянство вдохновляет революционно настроенных дворян	334
Отголоски восстания и народная мысль	339
Глава XXII. Проклятый вопрос	343
Два языка	343
Народничество	346
Чигиринское дело	349
Юный дворянин Михаил Бейдеман	352
Польский вопрос	353
Крестьяне и революционеры	354
Глава XXIII. Антиполитическая воля самодержавия и русская революция	357
Откровения Александра II	358
От самозванства к революции	362
Новые граждане и рождение политики	370
Глава XXIV. К оружию! За царя и советскую власть!	375
Присутствие прошлого в годы революции	375
Ложные цари и царевичи во времена Советского Союза и ныне	379
Слухи	386
Советские самозванцы	388
Глава XXV. Бытовое самозванство в СССР	391
Герои Гражданской войны	393
Герои войны	396
Лжекоммунист	398

Глава XXVI. Какую истину выражало самозванство при самодержавии	399
Народ, который не умеет думать	400
Владеть не своим знанием	406
Глава XXVII. Какую истину выражало самозванство в СССР	416
Апелляция к прошлому во имя будущего	416
Большевистская презентификация прошлого	420
Современная политика... И все-таки она вершится	430
Когда заключение не закрывает тему	436
Краткая библиография	440

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕЗИДЕНТ — ПОСЛАННИК БОЖИЙ?

В начале 2012 года российские СМИ сообщали о появлении в Нижегородской области секты, в которой принято молиться на икону с ликом Путина. Глава этой секты, основанной в 2005 году, некая «матушка» Фотинья еще в мае 2011 года привлекла внимание российских властей и прессы, провозгласив, что «на Путина снизошел Святой Дух», дабы он, «как новый апостол, вел за собой Россию». Восьмого июля 2011 года Владислав Сурков, выступая по российскому телевидению, объявил, что Путин «послан России судьбой и Господом в трудный для нее час». Через пять месяцев Путин, тогдашний премьер-министр и кандидат в президенты, назначил Суркова вице-премьером. Среди наград, присуждаемых нынешним российским правительством, выделяется «Орден Святого апостола Андрея Первозванного». В ритуалах, языке и поведении современная российская государственная политика все чаще обращается к мистическому опыту. Слова Фотиньи можно было бы счесть причудой и отнести к ним не более серьезно, чем к «пророчествам» лидера какой-нибудь западноевропейской секты; но мыслимое ли дело, чтобы руководитель аппарата французского премьер-министра, решившего выставить свою кандидатуру

на должность президента, объявил его Божьим посланником, призванным спасти Францию? Это означало бы для него если не конец карьеры, то по крайней мере гарантированное поражение на выборах. Можно было бы также ограничиться разговором об откровенно странных заявлениях высокопоставленных российских чиновников. Но стоит, пожалуй, воспринимать и икону с ликом Путина, и молитвы Фотиньи, и интервью кремлевского чиновника как явления одного порядка: если поместить их в контекст российской политической культуры и российской истории, переключка между высказываниями людей, находящихся на противоположных концах социальной лестницы, представится не столь странной, как могло бы показаться неискушенной западной публике. Ибо в рамках этой культуры действия правительства и власти вообще принято легитимировать апелляцией к высшим силам, недостижимым для простых смертных, идет ли речь о божественной воле, на которую ссылались при царях и в нынешней России, или о марксистско-ленинских законах общественного развития, которыми обосновывались решения советских партийных органов.

Икона с изображением Путина и молитвы Фотиньи, с одной стороны, и апелляция к Богу в выступлении высокопоставленного чиновника — с другой являют собой контраст между знакомым и *иным*. Объяснения требует, как всегда, лишь *иное*. Если мы хотим избежать поверхностных трактовок этих заявлений, если хотим рассмотреть их с учетом культурного

контекста, нам следует подвергнуть их «деконструкции» (Ж. Деррида), то есть «очистить от напластований» историю, заложниками которой оказались Сурков и Фотинья.

Конечно, и в *ином* проглядывают знакомые черты: обращение к трансцендентному восходит к общеевропейской и общехристианской традиции. Хотя образ Спасителя и развернут в будущее, он пришел к нам из прошлого. При этом общая для всего христианского мира традиция варьируется в зависимости от конкретных условий. Попытки объяснить *иное* обречены на неудачу, если не выявляют его истоков, продиктованы конъюнктурными соображениями или сводятся к столь же распространенной, сколь и косной привычке приписывать инаковость России ее природной сущности или *тому, чем она не является*. Объявление себя Божьим посланником свидетельствует об исторической слабости политического представительства в России. Нынешний всплеск антипросветительских настроений — обратная сторона той дремучей архаики, венцом которой выступает божественная легитимация власти. Обширные слои общества и представляющие их политические деятели ощущают себя носителями трансцендентальных истин, связанных с этой легитимацией. Но не будем опрометчиво делать вывод, что Россия — исключение из правил. Если учесть, что попытки подчинить политику интересам религии — актуальная нынешняя тенденция, не признающая государственных границ, становится очевидной необходимостью понять связь

между чаяниями верующих и апориями современности как таковой. Вспомним, например, о характерном для демократической политической системы разрыве между представляемым и представляющим, вернее, о растворении первого во втором, разрыве, который в любую минуту грозит окончиться социальным взрывом в любой точке мира.

ДА ОН ЛИ ПОМАЗАННИК БОЖИЙ?

«Божественная» легитимация монарха и требования продемонстрировать свою связь с высшими силами уходят корнями в глубь веков и не ограничиваются Россией. Вопрос, вынесенный в заглавие этого раздела, ставится с тех самых пор, как монархи возомнили себя проводниками Божьей воли. В 1648 году, в разгар английской революции, Томас Кольер, священник, близкий по взглядам к баптистам, писал, что Бог, безусловно, может даровать человеку власть, но что это божественное право нужно еще доказать. В России к монархам предъявлялось почти идентичное требование, высказываемое в разных вариантах и формах. Но именно что «почти», ибо английский претендент на божественное право был частью системы *политического* представительства, в контексте которой члены палаты общин считались не столько его подданными, сколько «соперниками», притом что «божественное» отделялось от вопросов управления. От Карла требовали предъявить Божью санкцию

на королевский престол, прекрасно зная, что такой не существует: единственную санкцию ему выдавал тот, кто наделял его полномочиями, то есть сам народ. Подлинность физического тела Карла I не подвергалась сомнению: его политическое тело лишали божественного статуса, чтобы сделать короля ответственным перед палатой общин, а через последнюю — перед всеми подданными. В России к царю, считавшемуся Божьим помазанником, предъявлялись иные требования: монарх должен был доказать, что он — в чисто физическом смысле — подлинный, что он не лжецарь, не самозванец. Отсюда и разница в подходах: если англичане оспаривали божественное право королей и искали замену существующей политической системе, в России подвергали сомнению личность монарха и пытались найти истинного избранника и Божьего помазанника, вынужденного скрываться от бояр, изменивших ему и Богу. Но, за редким исключением, эти сомнения и поиски не затрагивали божественное право как источник легитимности.

И вот по прошествии трех с половиной веков российским президентом избрали человека, которого прельщает идея божественного происхождения власти. Открыто объявить это, призвав в союзницы религию, опасно: для того чтобы поддерживать в народе веру в свою богоизбранность, ему придется совершать только те поступки, которые люди вправе ждать от Божьего посланника, олицетворяющего доброту и справедливость. Обращение к божественной

легитимации само по себе не странно; удивляет лишь, что здесь оно вплетено в современную систему политического представительства, в контексте которой легитимность власти считается чем-то имманентным, коренящимся в самой основе нашего мира, а не трансцендентным, пришедшим из мира потустороннего. Наше исследование противоречит представлению об истории европейского Запада как о движении по накатанной дороге к современному миру как к единственно возможной цели, не оставляющем места ничему другому в политическом воображаемом человечества. Современность не едина, она не самодостаточна и не вполне утратила связь с прошлым. Используя тот же принцип, который применялся для легитимации монархов старого порядка, нынешние российские власти неизбежно воспроизводят основополагающие черты царского и советского режимов. Если современная политическая культура в России и отличается от нашей, причина этого прежде всего в семантических напластованиях прошлого. Ставя на первое место физическое тело Избранника, кремлевские чиновники вдыхают новую жизнь в традиционную историческую модель, действовавшую в России на протяжении столетий, от объявления сакральным тела царя до культа личности — модель, которая не допускала представительских институтов, безличной и абстрактной власти и народного суверенитета. С XVI по вторую половину XVIII века царский режим являл собой полную противоположность идеям Макиавелли и Гоббса:

если великий флорентинец отрицал вмешательство божественных сил в дела города, а автор «Левиафана» ставил на их место власть, видя в ее временном и формальном характере первооснову политической морали, цари делали все, чтобы «политика», как бы мы назвали ее сейчас, оставалась одной из разновидностей теологии, а последняя была бы не чем иным, как способом управления людьми. Царизм преследовал двоякую цель: выдвинуть на передний план физическое тело монарха и оттеснить в сторону его политическое тело, что позволяло уберечь от критики второе, но способствовало сомнениям относительно подлинности первого, а значит, и бунтам. Как утверждал Иван IV, самодержавного царя назначает Бог, который напрямую сообщает ему свою волю. Ни один посредник, включая и Церковь, не может выступать здесь ни поручителем, ни наблюдателем. Иван IV стал родоначальником стратегии, которую впоследствии узаконил Петр I: сделать размытыми, фактически несуществующими границы между истинным и ложным, напустить тумана, за которым скрываются жесточайшие произвол и деспотия. Однако тайный характер отношений монарха с Богом вскоре сделался слабым звеном его легитимности: недовольный своим положением народ позволил себе усомниться в подлинности человека, занимавшего трон. И не только усомниться. Любой мог теперь с равным основанием назваться царем, поскольку доказательство его легитимности, заключенное в прямой и сокровенной связи с Богом, было недоступно

простым смертным. Подобные соображения вдохновляли и оправдывали народные протесты. Поскольку цари мало соответствовали образу безупречного правителя и Божьего посланника, общественное недовольство всякий раз сопровождалось сомнением: действительно ли этот человек (вернее, его физическое тело) избран Богом или он узурпировал власть и изгнал настоящего царя? А если верно второе, то где скрывается помазанник Божий? Стоит ли удивляться, что при таких ожиданиях недостатка в претендентах на роль настоящего царя не было. Скорее, наблюдался их переизбыток.

САМОЗВАНСТВО И МИСТИФИКАЦИЯ

Самозванство структурно связано с самодержавием. «Самозванство становилось стереотипной формой русского политического мышления, в которую отливало всякое общественное недовольство», писал Василий Ключевский. Форма, которую приняло сопротивление, раскрывает природу тогдашней власти. Самозванцем был не тот, кто присваивает себе чужую личность, имя и статус, но в первую очередь тот, кто *не призван Богом*. Поскольку самозванство относится главным образом к области религиозного, то, когда его низводят до простой мистификации, мысль о божественном откровении, органически присущем российской политической истории, подменяется банальным мошенничеством, явлением универсальным

и вполне объяснимым. Впрочем, самозванство — это всеобъемлющий феномен, охватывающий такое множество сфер жизни и насчитывающий такую долгую историю, что оно отнюдь не исключает тривиальных мистификаций, устраиваемых ради личной выгоды и не требующих оправдания собственных действий ссылками на богоизбранность. Последняя форма присутствовала в России всегда, но с XIX века ее значение возрастает, хотя параллельно с ним существует и самозванство с религиозной подоплекой.

Речь идет о ключевом явлении российской политической жизни, а его внутренняя периодизация, которую я предлагаю в этой книге, меняет традиционную периодизацию политической истории страны, в то же время определяя специфические направления политической модерности в России. И несмотря на то, что немало случаев самозванчества уже изучено, моя книга представляет собой первое исследование, охватывающее всю долгую историю этого явления.

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО РОССИИ — ПРИЗРАК САМОЗВАНСТВА

Попытки добиться престола, выдавая себя за сына почившего короля или императора или за самого монарха, чудом избежавшего смерти, ведут отсчет с того самого момента, как возникает институт монархии. Без фигуры самозванца не обходится, вероятно, ни один период истории, со времен Античности

и до наших дней, какую бы часть света мы ни взяли. Россия выделяется на общем фоне той ролью, которую этот феномен играет в ее истории. У всех царей и императоров, за очень редким исключением, было по одному или несколько двойников, присваивавших себе их имя. Не избежал общей судьбы и Ленин, да и вообще конец царизма не положил конца подобного рода мистификациям: в 1931 году ГПУ охотилось за лже-Бухариным, пытавшимся организовать в деревнях крестьянское сопротивление насильственной коллективизации. Один за другим появились несколько мнимых сыновей Сталина; в 2004 году последний претендент на роль внука Ленина потребовал провести экспертизу ДНК для подтверждения своего родства с «дедом». Постоянно всплывали личности, выдававшие себя то за революционеров, то за героев Гражданской или Второй мировой войны. Их мишенью становились даже представители госорганов: военные консультанты, эмиссары царя и ЦК партии, служащие министерства, отправляемые инспекторами в регионы или на какие-нибудь промышленные объекты, судьи, агенты царской полиции и ГПУ НКВД — что ни день, кто-то себя за них выдавал. Со времени раскола Церкви (XVII в.) число самопровозглашенных епископов, архиепископов и других высших церковных иерархов измерялось десятками; возникали параллельно действовавшие церковные структуры, объявлявшие друг друга *самозванными*. Не обошлось без мистификаций даже в области законов: поддельные указы, манифесты, установления

сеяли раздор и смуту, провоцировали и оправдывали беспорядки. Официальное законодательство, не отвечавшее интересам крестьянства, отвергалось как ложное. В его фальсификации крестьяне обвиняли помещиков, что придавало в их глазах легитимности бунту против господ, на который они шли «во имя царя». Вдохновляясь опытом крестьянских восстаний, революционеры XIX века — а позднее, во время Гражданской войны, партизаны — также ссылались на лжеманифесты, чтобы поднять народ на восстание или на борьбу с белыми «во имя царя». К концу XIX века движение достигло своего пика: лжеврачи, лжежурналисты, лжеученые, лжеактеры, лжелюбовники лжекнягинь и другие обладатели воздушных замков старались монетизировать воображаемый капитал. Разного рода правонарушители, отправляемые в ссылку, по пути к месту назначения умудрялись выдавать себя за посланцев царя и порой становились ревизорами в той или иной губернии, пользуясь покровительством генерал-губернаторов и начальников полиции, которые иногда и сами... были самозванцами. Самозванчество сделалось одной из излюбленных тем русской литературы.

Оно прочно вошло в активную и коллективную память и национальное сознание. Вследствие социальных и политических условий, вследствие влияния, какое имел каждый такой случай, или значения, какое он приобретал по причине своей массовости, трудно, почти невозможно решить, относятся ли подобные мистификации к числу политических событий

или же к разряду обычных преступлений, ибо такое разделение лишает их цельности. Сотни самозванцев и сотни тысяч тех, кто вставал под их знамена, принадлежали к разным социальным и культурным кругам: казаки, крестьяне, солдаты, дворяне, купцы, монахи, революционеры. Они возглавляли многотысячные восстания, но находили сочувственный отклик в сердцах людей даже когда их деятельность ограничивалась одной-двумя деревнями.

ПРОШЛОЕ, НАРОД, ИСТОРИК

В этой книге мы пытаемся прислушаться в первую очередь к тем, кто в русской истории был традиционно лишен голоса. Как известно, проигравшие, угнетенные и изгнанные оставляют мало прямых свидетельств. В историографии нет единого мнения на их счет. То их представляют бунтовщиками, лелеющими несбыточную мечту о золотом веке, врагами государства, разрушителями, дикарями, а в лучшем случае — наивными и суеверными людьми, погрязшими во мраке невежества; то, хоть и редко, наделяют способностью использовать механизмы власти и господствующей культуры для защиты своих интересов. Мы решительно отвергаем первый вариант, а второй в целом принимаем. Более того, люди способны, особенно во время восстания, в противовес существующей политической культуре развить или по крайней мере наметить свою собственную

концепцию политической власти, служащую предзнаменованием новой исторической эпохи. Народ способен увидеть свое угнетенное положение и начать борьбу за свои права.

Однако напрасно искать в этой книге ответа на вопрос, действительно ли крестьяне верили, что любой нищий в лохмотьях, назвавшийся царевичем, и вправду наследник престола. Мы пытаемся ответить на другие вопросы: какую функцию выполняла эта вера? Какую истину выражала готовность народа наделить самозванцев легитимностью?

Чем большее удивление вызывает феномен самозванчества — как, например, объяснить постоянство, с которым крестьяне готовы были признать царем жителя соседней деревни, прекрасно понимая, какую страшную цену придется за это заплатить (прибытие правительственной армии сопровождалось грабежами, плетью, вырванными языками, ссылкой или смертью от палок), — тем более историография склонна умалять своеобразие этого феномена, списывая все на «наивность и отсталость народа», чьи действия оценивают и судят с позиций современного рационализма. Царская армия и НКВД усмиряли народные восстания силой, и историография выполняет сходную роль подобными интерпретациями. Понимание прошлого — главная задача историка — сопряжено с пониманием ограниченности наших современных концепций и категорий. Это необходимое условие для того, чтобы мы могли *в разности другого узнать равного нам* и нащупать иной способ

постижения мира. Приняв во внимание историчность — то есть ограниченность — современного понимания политики, мы можем спросить себя, какую истину несет нам другой.

НЕПРИВЫЧНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Предмет книги — не тождественность самозванчества и русской истории, а область их соприкосновения, место, где проступали и прояснялись бы стабильность и перемены, безвозвратно ушедшее прошлое и прошлое, проступающее в настоящем, традиционный политический словарь и его размывание, из которого рождается нынешняя понятийная система. Обозначить эти границы было необходимо, чтобы не потерять в процессе исследования специфику темы и не скатиться к широким обобщениям, не учитывающим факты. И хотя целью книги не было реконструировать российскую историю, по мере прояснения феномена самозванчества из обозначенных точек соприкосновения стала проступать иная история России, менее знакомая, но, как ни странно, более понятная. История народа, которому всегда удавалось поставить власти шах, хотя и не всегда — мат.